

или паду в этой борьбе. Поражения моего народа я не переживу. Никакой капитуляции вне страны, никакой революции — внутри нее.

На русском языке публикуется впервые

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ
В ГЛАВНОМ КОМАНДОВАНИИ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК 21 ИЮЛЯ 1940 г.**

(Запись генерала Гальдера)

〈...〉 7. Сталин кокетничает с Англией, чтобы удержать ее в состоянии войны с нами и связать нас по рукам с целью получить время, чтобы взять себе все, что он хочет взять и чего больше взять не удастся, если наступит мир. Он будет заинтересован в том, чтобы не позволить Германии стать слишком сильной. Но никаких признаков русской активности в отношении нас нет.

8. Заняться русской проблемой. Продумывать подготовку.

Фюреру доложено:

а) Концентрация и развертывание войск [против России] продлится 4—6 недель.

б) Разбить русские сухопутные войска или, по меньшей мере, захватить в свои руки такое русское пространство, какое необходимо, чтобы не допустить вражеских воздушных налетов на Берлин и Силезский промышленный район.

Желательно продвинуться так далеко, чтобы наша люфтваффе смогла разбомбить важнейшие области России.

в) Политическая цель: Украинская империя. Союз балтийских государств. Белоруссия — Финляндия. Прибалтика — стрела в теле.

г) Необходимо 80—100 дивизий; Россия имеет 50—60 хороших дивизий. Если мы нападём на Россию этой осенью, Англия получит большое облегчение в воздушной войне. Америка сможет поставлять военную технику и материалы Англии и России.

〈...〉

Россия — Англия: обе стремятся друг к другу. Русские боятся скомпрометировать себя в наших глазах. Переговоры Сталина с Криппсом дают возможность официально осознать вызывающую радость отклонение Сталиным английских шагов. Россия отвергает английскую политику «равновесия» [сил в Европе], отклоняет выдвигаемые Англией условия торговых отношений обеих стран. Она [официально] не хочет претендовать на руководство и сплочение на Балканах, ибо такая претензия не дала бы ей никакой силы. Однако действительные настроения, имеющие место в России, находят свое выражение при других обстоятельствах (беседа Калинина с югославским посланником). Здесь звучит призыв к борьбе против Германии. «Объединиться в один блок». 〈...〉

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ
ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ 21 ИЮЛЯ 1940 г.**

*(Запись главнокомандующего военно-морским флотом
гросс-адмирала Редера)*

Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Фюрер спрашивает: на что еще может надеяться Англия при продолжении войны?

Отвечает: она может надеяться:

1. На перелом в Америке [в отношении к изоляционизму]. <...>

2. На Россию, вступление которой в войну было бы особенно неприятно из-за угрозы для Германии с воздуха.

Если Москва тоже следит за германскими успехами со смешанным чувством, то само по себе это еще не означает ее стремления вступить в войну против Германии. Естественно, наш долг — основательно продумать американский и русский вопросы. Быстрое окончание войны — в интересах немецкого народа. Но никакой крайней необходимости для этого нет, ибо положение значительно более благоприятно для нас, чем в [первой] мировой войне. В 1918 г. Западный фронт пожирал огромные силы. Такого сегодня нет. Техники и военных материалов вполне достаточно. Тяжелейший вопрос — вопрос с горючим. Но положение с горючим не станет критическим до тех пор, пока нам его поставляют Румыния и Россия, а нефтеочистительные заводы достаточно защищены от воздушных налетов [англичан], к тому же если военнопленные будут в большем объеме привлекаться для работы в сельском хозяйстве.

Надежды на неблагоприятный для нас ход развития в отношении горючего играют в Англии большую роль. Необходимо внести ясность в вопрос, следует ли и когда именно предпринять операцию непосредственно против Англии. Наряду с этим надо предпринять дипломатические шаги в отношении Испании, России и Японии. Однако такие шаги трудны, пока мир ожидает от нас нового чуда, а его все нет и нет.

Проведение высадки в Англии — дело чрезвычайно смелое; хотя путь и короток, речь идет не о каком-то форсировании реки, а о переправе через море, в котором противник обладает господствующими позициями. Потребуется 40 дивизий. Самым трудным явится постоянное снабжение военными материалами и продовольствием. На какие-либо запасы его в самой Англии рассчитывать не приходится. Предпосылкой служит наше полное господство в воздухе и применение артиллерии крупных калибров в проливе Па-де-Кале, а также постановка минных заграждений в Северном море и Ла-Манше. В середине октября начинаются

туманы. Решающее значение имеет поддержка авиацией. Назначение дня высадки требует величайшей осмотрительности.

На русском языке публикуется впервые

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ
В БЕРГХОФЕ 31 ИЮЛЯ 1940 г.**

(Запись Гальдера)

⟨...⟩ Надежда Англии — Россия и Америка. Если надежда на Россию отпадет, отпадет и Америка, ибо отпадение России в невероятной мере усилит значение Японии в Восточной Азии. Россия — восточноазиатская шпага Англии и Америки против Японии. Японцы, как и русские, имеют свою программу, которая должна быть осуществлена до конца войны. ⟨...⟩

Россия — это тот фактор, на который более всего ставит Англия. Что-то такое в Лондоне все-таки произошло! Англичане были уже совершенно dawn*, а теперь опять поднялись. Из прослушивания разговоров видно, что Россия неприятно поражена быстрым ходом развития событий в Западной Европе.

России достаточно только сказать Англии, что она не желает усиления Германии, и тогда англичане станут, словно утопающие, надеяться на то, что через 6—8 месяцев дело повернется совсем по-другому.

Но если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан станет тогда Германия. Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го.

Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. Просто захвата определенного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. Это необходимо также и ввиду положения на Балтийском море. Два крупных государства на Балтике не нужны. Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев. Лучше всего еще в этом году. Но не выходит, так как надо подготовить единую операцию.

Цель: уничтожение жизненной силы России. Подразделяется на:

1. Удар на Киев с выходом к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы.

2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы.

В заключение — массивные удары с севера на юг. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку.

* Внизу (англ.).

Насколько велика наша заинтересованность в Финляндии и Турции, будет видно впоследствии.

Позже: Украина, Белоруссия, Прибалтийские страны — нам. Финляндия до Белого моря.

7 дивизий — Норвегия (сделать автаркическими)

50 дивизий — Франция

3 дивизии — Голландия, Бельгия

60 дивизий

120 дивизий — для Востока

Всего: 180 дивизий.

Чем больше соединений мы введем в бой, тем лучше. Мы имеем 120 дивизий плюс 20 находящихся в отпуске. <...>

Маскировка: Испания, Северная Африка, новые формирования в зонах ПВО.

Новые формирования в Восточном пространстве: 40 дивизий, укомплектованных имеющими боевой опыт рядовыми. Высказывания фюрера о задуманном реформировании на Балканах: Венгрия, Румыния. Затем предоставление Румынии гарантии. <...>

ПЕРЕГОВОРЫ ГИТЛЕРА И МОЛОТОВА В БЕРЛИНЕ 13 НОЯБРЯ 1940 г.

*(Запись личного переводчика Риббентропа
посланника Пауля Шмидта)*

<...> В ответ на высказывание Молотова относительно безопасности в вопросе о Финляндии фюрер подчеркнул, что он кое-что в военных вопросах понимает и считает вполне возможным, что в случае участия Швеции в эвентуальной войне Америка утвердится в этом районе. Он [фюрер] хочет закончить европейскую войну и может лишь повторить: новая война на Балтийском море лишь отяготит германо-русские отношения теми последствиями, предвидеть которые нельзя, учитывая невыясненную позицию Швеции. Объявила бы Россия войну Америке, если бы та вмешалась бы в связи с финским конфликтом?

На возражение Молотова, что этот вопрос не актуален, фюрер ответил: когда он станет актуален, отвечать на него будет поздно. Затем Молотов заявил, что никакого признака возникновения войны на Балтийском море он не видит. Фюрер отметил, что в таком случае все в порядке, а само обсуждение носит, собственно говоря, чисто теоретический характер.

Обобщая, имперский министр иностранных дел указал на то, что:

1. Фюрер заявил, что Финляндия остается в сфере интересов России и Германия не будет держать там своих войск.

2. Германия не имеет ничего общего с демонстративными шагами Финляндии против России, а использует свое влияние в противоположном направлении и

3. Решающая проблема многовекового значения — это сотрудничество обоих государств, которое в прошлом уже принесло России большие выгоды, а в будущем даст такие, рядом с которыми те вопросы, которые обсуждаются сегодня, покажутся совершенно незначительными. Следовательно, нет никакого повода вообще делать из финского вопроса какую-то проблему. Вероятно, речь идет только о недоразумении. Впрочем, ведь Россия своим заключением мира с Финляндией осуществила все свои стратегические желания. Демонстрация со стороны побежденной страны — дело не такое уж неестественное, и, если, скажем, проход германских войск должен был вызвать у финского населения определенную реакцию, то с прекращением таких проходов она точно так же и исчезнет. Поэтому, если глядеть на вещи реально, между Германией и Россией никаких разногласий нет.

Фюрер указал на то, что обе стороны в принципе едины в том, что Финляндия принадлежит к русской сфере интересов. Поэтому чем продолжать чисто теоретическую дискуссию, лучше обратиться к более важным проблемам.

При сокрушении Англии мировая Британская империя окажется гигантской мировой конкурсной массой площадью 40 миллионов квадратных километров, которая будет подлежать разделу. Раздел ее открывает России путь к незамерзающему и действительно открытому океану. Меньшинство, насчитывающее 45 миллионов человек, до сих пор управляло 600 миллионами жителей мировой Британской империи. Он намерен это меньшинство расколошматить. И Америка тоже, собственно говоря, постаралась уже теперь выхватить некоторые особенно пригодные для нее куски. Германия, естественно, хотела бы избежать любого конфликта, который отвлек бы ее от борьбы против сердца этой мировой империи — Британских островов. Поэтому ему [фюреру] несимпатична и война Италии против Греции, ибо она оттягивает силы на периферию вместо того, чтобы сконцентрировать их на одном пункте — борьбе против Англии. То же самое произошло бы при войне на Балтийском море. Столкновение с Англией будет доведено до своего решающего конца, и у него нет никакого сомнения, что поражение Британских островов приведет к распаду империи. Это утопия — верить, будто мировая империя может управляться и удерживаться от распада, скажем, из Канады. При таких обстоятельствах открываются перспективы мирового масштаба. В ближайшие недели они должны быть выяснены в ходе совместных с Россией дипломатических переговоров; следует определить участие России в решении этих проблем. Все государства, могущие быть заинтересованными в этой банкротной массе, должны приостановить все конфликты между собой и заняться только разделом Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

Молотов ответил, что он с интересом следил за ходом мыслей фюрера и со всем, что он услышал, согласен. Однако он может

сказать по этому поводу меньше, чем фюрер, поскольку тот задумывался над этими проблемами больше и получил для себя конкретное представление о них. Главное — сначала внести ясность в вопрос о германо-русском сотрудничестве, к которому потом могли бы присоединиться также Италия и Япония. При этом в начатом деле ничего менять не надо, а следует иметь в виду только продолжение начатого.

Фюрер высказал мысль, что дальнейшая работа по раскрытию крупных перспектив будет непроста, и в этой связи подчеркнул: Германия не будет аннексировать Францию, как это предполагают русские. Он хочет создать всемирную коалицию заинтересованных стран, которая должна состоять из Испании, Франции, Италии, Германии, Советского Союза и Японии и определенным образом представлять собой простирающееся от Северной Африки до Восточной Азии сообщество интересов всех тех, кто хочет быть удовлетворен за счет британской конкурсной массы. С этой целью все внутренние противоречия между членами данного международного сообщества должны быть устранены или, по меньшей мере, быть нейтрализованы. Он считает, что на Западе, т. е. между Испанией, Францией, Италией и Германией, уже найдена та формула, которая равным образом удовлетворяет всех. (...) После того как таким образом Запад пришел к единому решению, следует достигнуть такого же согласия и на Востоке. Здесь речь идет не только об отношениях между Советским Союзом и Турцией, но и о Великоазиатском пространстве. Однако оно состоит не только из самого Великоазиатского пространства, но и из чисто азиатского, которое ориентировано на Юг, и Германия уже теперь готова признать его областью интересов России. Дело идет о том, чтобы в общих чертах установить границы будущей активности народов и указать нациям крупные пространства, в которых они в течение 50—100 лет будут в достаточной мере находить свое поле деятельности.

Молотов ответил, что фюрер выдвинул ряд вопросов, касающихся не только Европы, но и других регионов. Он же хочет сначала поговорить о более близкой для Европы проблеме — о Турции. Советский Союз как черноморская держава связан с рядом других государств. В этом отношении есть еще не выясненные вопросы, которые сейчас как раз обсуждает Дунайская комиссия (она заседала в Бухаресте с 29 октября до 20 декабря 1940 г. — *Сост.*). Впрочем, Советский Союз уже высказал Румынии свое неудовольствие по поводу того, что эта страна без консультации с Россией приняла гарантию Германии и Италии. Советское правительство уже излагало свою точку зрения и придерживается того взгляда, что эта гарантия, «если можно так грубо выразиться», направлена против интересов Советской России. Поэтому он ставит вопрос об отмене этой гарантии, на что фюрер ответил: на определенное время она необходима, а потому отмена ее невозможна. Это, отметил Молотов, затра-

гивает интересы Советского Союза как черноморской державы.

Затем Молотов завел речь о морских проливах, которые он, ссылаясь на Крымскую войну и события 1918/19 г., охарактеризовал как исторические ворота агрессии Англии против Советского Союза. Положение является для России еще более угрожающим потому, что теперь англичане закрепились в Греции. Из соображений безопасности отношения Советской России с другими черноморскими странами имеют большое значение. В данной связи Молотов задал фюреру вопрос: что сказала бы Германия, если бы Россия дала Болгарии, то есть ближе нее расположенной к проливам [Босфору и Дарданеллам] стране, гарантию на точно таких же условиях, на каких ее дала Германия Румынии? Однако Россия намерена предварительно достигнуть в этом вопросе единства с Германией, а, возможно, также и с Италией. На вопрос Молотова о германской позиции в отношении проливов фюрер ответил: имперский министр иностранных дел уже предусмотрел этот пункт и имеет в виду пересмотр заключенного в Монтре соглашения о них в пользу Советского Союза.

Имперский министр иностранных дел подтвердил это и сообщил, что в вопросе об этом пересмотре итальянцы тоже заняли благоприятную позицию.

Молотов снова заговорил о гарантии Болгарии и заверил, что Советский Союз никоим образом не желает вмешиваться во внутренние порядки этой страны. Они не будут изменены ни «на йоту».

По вопросу о данной Германией и Италией гарантии Румынии фюрер заявил: эта гарантия явилась единственной возможностью побудить Румынию без борьбы передать Бессарабию России. Кроме того, Румыния ввиду своих нефтяных источников представляет абсолютный интерес для Германии и Италии. Наконец, это само румынское правительство попросило, чтобы Германия взяла на себя защиту нефтяного района с воздуха и на суше, так как оно не чувствует себя вполне в безопасности от воздушного нападения англичан. Ссылаясь на грозящую высадку англичан в Салониках, фюрер в этой связи говорил, что Германия такой высадки не потерпит, однако заверил при этом, что по окончании войны все германские солдаты будут из Румынии выведены.

Отвечая на вопрос Молотова относительно германской точки зрения на русскую гарантию Болгарии, фюрер сказал, что если эта гарантия будет дана на тех же условиях, что германо-итальянская Румынии, то сразу встанет вопрос: а просила ли сама Болгария о такой гарантии? Ему [фюреру] такая просьба Болгарии не известна. Кроме того, прежде чем высказаться самому по данному вопросу, ему надо выяснить позицию Италии.

Решающий же вопрос состоит в том, считает ли Россия, что пересмотр заключенного в Монтре соглашения даст достаточную

гарантию соблюдения ее интересов на Черном море. Он не ожидает на этот вопрос немедленного ответа, ибо знает, что Молотов должен сначала обсудить этот вопрос со Сталиным.

Молотов ответил: в этом вопросе Россия имеет только одну цель. Она хочет обезопасить себя от нападения на нее через проливы и хотела бы урегулировать этот вопрос с Турцией, причем данная Болгарии русская гарантия облегчила бы положение. Как черноморская держава Россия имеет право на безопасность такого рода, и он думает достигнуть в этом деле взаимопонимания с Турцией.

В ответ фюрер сказал: это примерно отвечало бы ходу мыслей Германии, согласно которому через Дарданеллы могли бы свободно проходить только русские военные корабли, а для всех других пролив был бы закрыт.

Молотов добавил: Россия хотела бы создать гарантию от нападения на Черное море через проливы не только на бумаге, но и «на деле», и он считает, что Россия могла бы договориться об этом с Турцией. В данной связи он снова вернулся к вопросу о русской гарантии Болгарии и повторил, что внутренний режим страны затронут не будет, причем со своей стороны Россия была бы готова обеспечить Болгарии выход в Эгейское море. Он еще раз задал фюреру в числе тех вопросов, которые тот должен решать в отношении германской политики в целом, вопрос: какую позицию заняла бы Германия насчет этой русской гарантии?

Фюрер ответил встречным вопросом: просила ли Болгария о гарантии? И вновь заявил, что должен выяснить точку зрения дуче.

Молотов подчеркнул, что не требует от фюрера никакого окончательного решения, а просит только о предварительном обмене мнениями.

Фюрер ответил: он никоим образом не может занять никакой позиции, пока не переговорит с дуче, так как Германия заинтересована здесь только во вторую очередь. Как великая дунайская держава она заинтересована только в самом Дунае, а не в выходе из Дуная в Черное море. Ведь если бы он нуждался в каких-либо трениях с Россией, ему не нужен был бы для этого вопрос о проливах. Затем разговор снова перешел на крупные планы сотрудничества стран, заинтересованных в разделе конкурсной массы мировой Британской империи. Фюрер указал на то, что он, естественно, не абсолютно уверен в том, что этот план осуществим. Если же осуществить его окажется невозможным, будет упущена важная историческая okazия. Все эти вопросы должны быть эвентуально снова изучены министрами иностранных дел Германии, Италии и Японии вместе с господином Молотовым в Москве, после того как они соответствующим образом будут подготовлены дипломатическим путем.

В этот момент беседы фюрер обратил внимание на то, что прошло уже много времени, и заявил, что ввиду возможного

налета английской авиации переговоры сейчас лучше прервать, так как главные пункты вполне достаточно обсуждены.

Подводя итог, фюрер сказал, что возможности обеспечить интересы России как черноморской державы будут изучены и вообще дальнейшие желания России относительно ее будущего положения в мире должны быть приняты во внимание.

В заключительном слове Молотов заявил: для Советской России возник целый ряд больших и новых вопросов. Советский Союз как могучее государство не может стоять в стороне от крупных вопросов в Европе и Азии.

Затем Молотов заговорил о русско-японских отношениях, которые с недавних пор улучшились. Он предвидит, что их улучшение пойдет дальше еще более быстрыми темпами, и поблагодарил имперское правительство за его усилия в этом направлении. <...>

На русском языке публикуется впервые

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕКРЕТНОМ СОВЕЩАНИИ В ШТАБЕ ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА ВЕРМАХТА 9 ЯНВАРЯ 1941 г.

<...> Фюрер дает следующую оценку общего положения.

<...> Высадка в Англию возможна только тогда, когда будет завоевано господство в воздухе, а в самой Англии наступит определенный паралич. Иначе — это преступление. Цель Англии в войне в конечном счете состоит в том, чтобы разбить Германию на [Европейском] континенте. Но для этого собственных средств ей не хватает. Британский военно-морской флот вследствие своего использования на далеко отстоящих друг от друга театрах войны стал слабее, чем прежде, и какое-либо его усиление в решающем масштабе невозможно. <...>

Англию держит надежда на США и Россию, ибо уничтожение английской метрополии со временем неотвратимо. Но Англия надеется выстоять до тех пор, пока ей не удастся сколотить большой континентальный блок против Германии. Дипломатические приготовления к этому легко распознать.

Сталин, властитель Европы — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в трудных для Германии ситуациях он во все возрастающей степени будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему тоже нужны успехи, его воодушевляет Дранг нах Вестен*. Ему тоже совершенно ясно, что после полной победы Германии положение России станет очень трудным.

Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили

* Натиск на Запад (нем.).

войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40—50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжила бы войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну.

Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40—50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морского флота. Пришлось бы создать вполне достаточную ПВО и перебазировать важнейшие отрасли промышленности в безопасные районы. Тогда Германия стала бы неуязвимой. <...>

Н.-А. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg.
На русском языке публикуется впервые

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОБСУЖДЕНИИ ПЛАНА «БАРБАРОССА»
В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК 3 ФЕВРАЛЯ 1941 г.**

(Запись Гальдера)

<...> С общей диспозицией согласен. <...>

Оперативное пространство о г р о м н о. Окружение войск противника может быть успешным, только если оно является с п л о ш н ы м. Немедленной сдачи Прибалтики, а также Ленинграда и Украины заранее ожидать не следует. Но возможно, что русский, осознав наши оперативные цели, после первого поражения отойдет на широком фронте и где-то дальше на Востоке перейдет к обороне за каким-либо естественным препятствием.

В этом случае группа армий «Север», невзирая на остановившихся на востоке русских, прежде всего выполняет свою задачу. Она наносит (благоприятная исходная база) удар в тыл русским без фронтального наступления. Задача: уничтожить крупные части противника, а не заставить его бежать. Это будет достигнуто, если мы самими крупными силами овладеем флангами, при этом приостановив атаку в центре, а затем, действуя с флангов, заставим противника отдать нам и центр. <...>

Если «Барбаросса» удастся, у всего мира замрет дыхание.

БЕСЕДА С МУССОЛИНИ И ЧИАНО 20 ЯНВАРЯ 1941 г.

Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Присутствуют

С немецкой стороны:
имперский министр иностранных дел [Риббентроп]
начальник штаба ОКВ [Кейтель]
начальник штаба оперативного руководства вермахта [Йодль]
генерал фон Ринтелен
посланник Шмидт [переводчик]
полковник Шмундт
капитан III ранга Путткаммер

С итальянской стороны:
дуче
граф Чиано
генерал Гуццони
генерал Маррас
генерал Ганден

Высказывания фюрера в краткой формулировке

Большое значение для нас имеет Финляндия ввиду ее единственного в Европе месторождения никеля. Хотя русские тоже согласны поставлять нам никель, они будут делать это только до тех пор, пока захотят. Поэтому Финляндию больше не трогать.

Демарш русских по поводу ввода наших войск в Румынию должным образом отклонен. Русские становятся все наглее, особенно в те времена года, когда против них ничего не предпринять (зимой).

Сосредоточение германских войск в Румынии преследует тройную цель:

- а) операция против Греции.
- б) защита Болгарии от России и Турции.
- в) обеспечение гарантии Румынии.

Для осуществления каждой из этих задач нужна собственная группа войск, задействование которой вдали от наших баз требует много времени.

Желательно, чтобы это сосредоточение закончилось без воздействия противника. Поэтому демаскировать эти войска следует как можно позже. Основная тенденция: как можно позже форсировать Дунай и затем как можно раньше перейти в наступление. <...>

Т у р ц и я, по всей вероятности, останется нейтральной. Весьма неприятным это может стать для нас, если она заявит о своей солидарности с Англией и предоставит в ее распоряжение свои аэродромы.

Общее положение на Востоке можно правильно оценить только с точки зрения положения на Западе.

Нападение на Британские острова — наша последняя цель. Здесь мы находимся в положении человека, у которого в винтовке остался всего один патрон: если он промахнется, ситуация станет еще хуже, чем прежде. Высадку не повторить, так как в случае неудачи будет потеряно слишком много техники. Тогда Англии больше уже не придется ничего опасаться, и она сможет направить свои главные силы на периферию, куда ей вздумается. А пока высадка все еще не состоялась, англичанам приходится считаться с ее возможностью. Высадка возможна только при определенных условиях, которых осенью не было: три дня подряд хорошей погоды. <...>

От Америки, даже если она вступит в войну, я большой угрозы не жду. Самая большая угроза — огромный колосс Россия. Хотя мы и имеем с Россией весьма выгодные политические и экономические договоры, предпочитаю полагаться на мои силовые средства. Однако весьма значительная часть немецких войск связана на русской границе, и это мешает мне направить достаточное число людей в военную промышленность, чтобы до предела усилить производство вооружения для авиации и военно-морского флота.

Правда, пока жив Сталин, никакой опасности нет: он достаточно умен и осторожен. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас обретаются во втором или третьем гарнитуре, могут продвинуться в первый.

Следовательно, надо проявлять осторожность. Русские выдвигают все новые и новые требования, которые они вычитывают из договоров. Поэтому-то они и не желают в этих договорах твердых и точных формулировок.

Итак, надо не упускать из вида такой фактор, как Россия, и подстраховать себя [военной] силой и дипломатической ловкостью.

Раньше Россия для нас никакой угрозы не представляла, потому что на суше она для нас совершенно не опасна. Теперь, в век военной авиации, из России или со Средиземного моря румынский нефтяной район можно в один миг превратить в дымящиеся развалины, а он для оси жизненно важен.

Общие соображения о факторах, являющихся решающими для успеха в современной войне. <...> Большие успехи наших танковых войск достигнуты не благодаря тяжелым танкам. Мы предпочитаем танки средние. Французы имели тяжелых танков гораздо больше, чем мы. Самое лучшее, что у нас было, так это наши генералы танковых войск, которые разработали совершенно новую тактику и весьма энергично и умело командовали своими соединениями. <...>

На русском языке публикуется впервые

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМИ
РОДОВ ВОЙСК ВЕРМАХТА 30 МАРТА 1941 г.***

⟨...⟩ Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию. Максимальная мощь только через 4 года. Транспортные проблемы. Роль и возможности. Обоснование необходимости урегулировать вопрос о России. Только окончательно решив наши проблемы на суше, мы окажемся в состоянии за два года справиться в материально-техническом и кадровом отношении с нашими задачами в воздухе и в мировом океане. Наши задачи в отношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство. Высказывания [Гитлера] насчет русского танкового оружия (уважительные): 4,5-сантиметровая броня, хорошие тяжелые танки, но основная масса их устарела. По количеству танков Россия — самая сильная страна в мире. Но она имеет лишь небольшое число новых танков с длинноствольной 100-миллиметровой пушкой (гигантские колоссы по 42—45 т). Авиация количественно весьма велика, но очень много самолетов устаревших типов, а современных — лишь незначительное число.

Проблема русского пространства: бесконечная обширность этого пространства делает необходимым сосредоточение сил в решающем пункте. Люфтваффе не сможет одновременно обработать все это пространство; в начальной стадии она будет способна господствовать только над частью этого пространства. Поэтому она сможет использоваться лишь в теснейшем взаимодействии с наземными операциями. Русский перед массированным применением танков и авиации не устоит.

Не строить себе никаких иллюзий насчет своих союзников. Финны будут сражаться храбро, но количественно они слабы и еще не пришли в себя [после советско-финской войны 1939—1940 гг.]. С румынами вообще ничего путного предпринять нельзя. Вероятно, они укроются за крупной естественной преградой (рекой), и этого будет достаточно для обеспечения тех участков фронта, где нет наступления. Антонеску свою армию увеличил вместо того, чтобы ее уменьшить и улучшить. Судьбу больших германских соединений нельзя ставить в зависимость от стойкости румынских частей. ⟨...⟩

Возможность [стратегического] отхода русских с целью уклонения от боя — маловероятно, ибо они связаны Балтийским морем и Украиной. Если русский захочет отойти, он должен сделать это весьма заблаговременно, иначе совершить этот отход, сохранив боевые порядки, ему не удастся. После решения наших задач на Востоке нам хватит и 50—60 танковых дивизий. Часть сухопутных войск мы сможем расформировать, используя одну часть высвободившейся живой силы на производстве вооружения

* Запись сделана начальником генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Гальдером в его военном дневнике. *Примеч. сост.*

для люфтваффе; другая же понадобится для выполнения иных задач — например, в Испании. (Пометка Гальдера на полях: «Для решения колониальных задач».)

Борьба двух мировоззрений друг против друга. Уничтожающая оценка [Гитлером] большевизма: он равнозначен социальной преступности. Коммунизм — чудовищная опасность для будущего. Мы должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества с ним. Коммунист не был нашим камерадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не отнесемся к этому именно так, то хотя и разобьем коммунистического врага, через 30 лет снова столкнемся с ним. Мы поведем войну вовсе не для того, чтобы законсервировать врага.

Будущая картина государства: северная часть России отойдет Финляндии, протектораты в прибалтийских государствах, Украина, Белоруссия.

Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть государствами социалистическими, но без собственной интеллигенции. Надо не допустить образования новой интеллигенции. Здесь будет достаточно примитивной социалистической интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Это — дело отнюдь не военных судов. Войсковые командиры должны знать, о чем идет речь. Они должны осуществлять эту борьбу в ходе боев. Армия должна защищаться теми же средствами, которые применяются для нападения на нее. Комиссары и гепеушники — это преступники, и с ними надо поступать, как с таковыми. Поэтому командир не должен выпускать свои войска из собственных рук. Он должен отдавать свои распоряжения в соответствии с мироощущением своих солдат и офицеров.

Борьба здесь весьма резко отличается от борьбы на Западе. На Востоке любая суровость суть мягкость в будущем. Командиры должны потребовать жертв от самих себя, преодолеть свои сомнения. (Пометка Гальдера на полях: «Приказ Главнокомандующего сухопутными войсками».)

H.-A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg

РЕЧЬ В РЕЙХСТАГЕ 11 ДЕКАБРЯ 1941 г.

⟨...⟩ Я не искал войны, а, напротив, делал все, чтобы ее избежать. Но я забыл бы свой долг и действовал бы против своей совести, если бы, несмотря на знание неизбежности военного столкновения [с Советским Союзом], не сделал отсюда одного-единственного возможного вывода. Считая Советскую Россию смертельной опасностью не только для Германского рейха, но и для всей Европы, я решил всего за несколько дней до этого столкновения дать сигнал к наступлению.

Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные матери-

алы, подтверждающие факт наличия у русских намерения осуществить нападение на нас. Точно так же нам известен и момент, когда это нападение должно было произойти. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь возблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать. <...>

Уже 2 октября [1941 г.] началась операция с целью прорыва на Центральном участке Восточного фронта, в то время как 11 октября успешно закончилось сражение в районе Азовского моря. Снова было взято в плен 107 000 человек, захвачено 212 танков, 672 орудия. 16 октября, сломив упорное сопротивление противника, германские и румынские войска вошли в Одессу. 18 октября начато с целью прорыва наступление на Центральном участке Восточного фронта закончилось новым всемирно-историческим успехом. Результатом явились 663 000 пленных, частично уничтожены, а частично захвачены 1242 танка, 5452 орудия. 21 октября закончился захват острова Даго; 24 октября взят промышленный центр Харьков, 28 октября в ходе тяжелых боев окончательно перекрыт Крымский перешеек и уже 2 ноября взята столица Крыма — город Симферополь. 16-го в Крыму совершен прорыв до самой Керчи. На 1 декабря общее число взятых в плен советско-русских составило 3 806 865 человек, число уничтоженных или захваченных танков — 21 391, орудий — 32 541 и самолетов 17 332. За этот же период сбиты 2192 британских самолета, военно-морским флотом потоплено 4 170 611, а авиацией — 2 346 180 регистровых брутто-тонн; итого 6 516 791. <...>

Однако наступление зимы несколько затормозило это продвижение, но с приходом лета ему уже не сможет помешать ничто. <...>

На русском языке публикуется впервые

ИЗ РЕЧИ В МЮНХЕНЕ 8 НОЯБРЯ 1942 г.

<...> Меня всегда высмеивали как пророка. Из тех, кто тогда смеялся, бесчисленное множество сегодня уже не смеется, а те, кто все еще смеется, скоро, пожалуй, тоже перестанут. Сознание этого распространяется через Европу по всему миру. Интернациональное еврейство будет распознано во всей своей демонической опасности, уж об этом мы, национал-социалисты, позаботимся! В Европе эта опасность уже осознана, и одно государство за другим присоединяется к нашим законам. Таким образом, в этой могучей схватке остается одна-единственная возможность — возможность полного успеха. Да и есть ли вообще причины сомневаться в этом успехе? Если проследить за пропагандой наших противников, ее можно охарактеризовать выражением: «радостно взвизгивающая и до смерти огорченная». Малейший успех где-нибудь — и они уже просто кувыркаются от восторга. Вот они нас уже уничтожили! А по-

том листок календаря переворачивается — и они опять совершенно огорченные и подавленные. Приведу хотя бы один пример: если проштудировать советские военные сводки начиная с 22 июня 1941 г., в них каждый божий день можно прочитать: «бои незначительного характера» или же «бои значительного характера». И немецких самолетов они сбивают в три раза больше. Тоннаж якобы потопленных ими судов в Балтийском море превышает весь тоннаж, который Германия вообще имела перед войной. Они уничтожили столько наших дивизий, сколько мы и выставить не могли бы. Но прежде всего: они постоянно бьются на одном и том же месте. А потом они время от времени, так недели через две, скромно сообщают: «Мы оставили еще один город». В общем и целом, если верить им, они с 22 июня успешно сражаются на одном и том же месте, а мы вечно оказываемся отброшенными. При таком непрерывном «отбрасывании», мы теперь потихоньку дошли до Кавказа. Я говорю «потихоньку» для моих противников, а не для наших солдат. Ведь темпы продвижения наших солдат на Востоке — гигантские. И то расстояние, которое они снова прошли и в этом году, тоже огромно, не имеет примера в истории.

То, что я поступаю не так, как хотелось бы другим, объясняется вот чем: я сначала обдумываю, чего, по всей вероятности, хотят другие, а потом делаю принципиально наоборот. Если герр Сталин, как видно, ожидал, что мы ударим на центральном участке [Восточного фронта], то я вовсе не пожелал наступать там. И не столько потому, что герр Сталин, вероятно, думал так, а потому, что мне это было не столь уж и важно. Я хотел выйти к Волге, причем именно в определенном месте, у определенного города. Случайно он носит имя самого Сталина. Так что не думайте, что я двигался туда по этим причинам (они могли быть и совершенно другими). Я делал это потому, что там находится весьма важный пункт. Ведь там мы отрезаем транспортные пути, по которым перевозятся 30 миллионов тонн грузов, в том числе 9 миллионов тонн нефти. Туда стекалась вся пшеница из гигантских областей Украины, Кубани, чтобы затем быть транспортированной на север. Там добывалась марганцевая руда, там находился гигантский перевалочный пункт. Вот это все я и хотел захватить, и — вы знаете, мы люди скромные! — мы это и получили. Там осталось всего каких-то несколько совсем мелких местечек.

Так вот, некоторые спрашивают: а почему же вы не продвигаетесь быстрее? Да потому, что я не хочу иметь там второй Верден, а предпочитаю добиться этого при помощи совсем небольших ударных групп. При этом время не играет для меня никакой роли. По Волге теперь не ходит ни одно судно. Вот что самое главное! Нас упрекают, почему мы так долго выжидали под Севастополем. Да потому, что я и там не хотел устроить гигантскую массовую бойню. Но Севастополь попал в наши руки, и Крым тоже оказался у нас, и мы настойчиво и упорно достигали цель за целью. И если противник, со своей стороны, собирается

наступать, не подумайте только, что я хочу его упредить. Пусть себе наступает, если ему охота, ибо оборона — дело все-таки более дешевое. Пусть себе наступает, он при этом тяжело истечет кровью, а мы сможем заткнуть бреши. Во всяком случае, русские не стоят на Пиренеях или у Севильи, а ведь это для них такое же расстояние, как для нас сегодня — расстояние до Сталинграда или, скажем, до Терека. А мы все-таки стоим там, и это в конце концов — факт, который никто оспорить не может. Иногда кто-то заявляет: то, что немцы пошли на Киркенес или на Нарвик, а теперь, к примеру, на Сталинград, было вообще ошибкой. Но надо все-таки сначала подождать, а уже потом рассуждать, было ли это стратегической ошибкой. Мы уже можем судить по многим признакам, было ли ошибкой то, что мы захватили Украину, что мы заняли Кривой Рог, что мы заполучили марганцевую руду. Было ли действительно большой ошибкой то, что мы заняли Кубань, эту, пожалуй, самую крупную житницу в мире. И было ли ошибкой то, что мы разрушили или забрали себе около четырех пятых или пяти шестых всех нефтеочистительных заводов, что мы сначала взяли в свои руки или парализовали добычу от девяти до десяти миллионов тонн нефти или что мы блокировали транспортировку, вероятно, семи-восемью или даже девяти миллионов тонн по Волге. Право, не знаю, было ли все это ошибками. Это мы еще посмотрим. <...>

Главное в этой войне, кто кому сделает окончательный хук. А в том, что это будем мы, можете быть уверены!

<...> Ну а если противник полагает, что каким-то образом сделает нас неспособными к сопротивлению, он ошибается. Ему не побудить меня отказаться от моей цели. Придет час, и я нанесу ответный удар, и тогда он получит за все с процентами на проценты.

Я еще и раньше не раз говорил: если я какое-то время не выступаю с речами, это вовсе не значит, что я потерял голос — просто считал нецелесообразным. Это имеет место и сегодня. К чему мне сейчас много ораторствовать? Сегодня в конечном счете говорит фронт, а я хотел бы брать слово только в самых редких случаях. Ведь язык фронта столь проникновенен, это такой особенный язык, что он и без того понятен каждому немцу. Тому, кто читает ежедневные сводки нашего вермахта и при этом не является фанатически преданным делу своего народа, не воспринимает все это множество героических дел, не помогут никакие речи. А для вражеского зарубежья я и тем более не выступаю. Если герр Рузвельт говорит, что он моих речей не слушает, то ведь я и выступаю вовсе не для него. С ним я говорю только при помощи того инструмента, которым лишь и можно разговаривать теперь, и этот инструмент говорит громко и достаточно четко. Я выступаю только в редчайших случаях, обращаясь к [нацистскому] движению и моему собственному немецкому народу. И все, что я могу сказать в такой речи, это только одно:

думайте все без исключения, мужчины и женщины, только о том, что в этой войне решается вопрос: быть или не быть нашему народу? И если вы это поймете, тогда каждая ваша мысль и каждая ваша надежда будет молитвой за нашу Германию!

На русском языке публикуется впервые

«ЕСЛИ ЧЕРЧИЛЛЬ — ШАКАЛ, ТО СТАЛИН — ЭТО ТИГР»*

*Из «застольных бесед» в ставке фюрера**;
август 1941 г. — июль 1942 г.*

2.8. 1941 г. днем
[«Волчье логово»]***

(...) Пакт с Россией никогда не обязывал меня занять какую-либо иную позицию в отношении опасности внутри страны.

* Заголовок публикуемых со значительными сокращениями отрывков дан составителем. Все неоговоренные примечания принадлежат немецкому издателю Генри Пиккеру. *Примеч. сост.*

** С 21 июля 1941 г. по 11 марта 1942 г. по распоряжению заместителя фюрера по партии рейхсляйтера Мартина Бормана велось стенографирование (от первого лица), а с 21 марта 1942 г. по 31 июля 1942 г. — конспективная запись (в третьем лице) высказываний Гитлера в его ставке — так называемые «застольные беседы». Они собраны, прокомментированы и изданы на языке оригинала специальным референтом Гитлера Генри Пиккером, лично ведшим эту конспективную запись.

О том, как и в каком составе проходили застольные беседы Гитлера, немецкий издатель сообщает следующее:

«При входе в обеденный зал Гитлера приветствовали все его сотрудники, выстроившиеся фронтально напротив входной двери с вытянутой в знак «германского приветствия» рукой. Гитлер лаконично и четко благодарил и садился за стол. По правую и левую руку от себя он усаживал генерал-полковника Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного руководства вермахта, и д-ра Отто Дитриха, имперского шефа печати; визави садились генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и рейхсляйтер Мартин Борман. Кроме них в ставке постоянно находились сотрудники «постоянной адъютантуры при фюрере и рейхсканцлере»: генерал-майор Рудольф Шмундт (он же начальник управления личного состава Главного командования сухопутных войск), капитан ВМФ Йеско фон Путткаммер, майор Герхард Энгель и майор авиации Николаус фон Белов. Далее — гражданские адъютанты Гитлера: группенфюрер СС Шауб и бригадефюрер СС Альберт Борман, а также офицеры-порученцы: гауптштурмфюреры войск СС Рихард Шульце и Ганс Пфайфер (в 1944—1945 гг. — Отто Гюнше) и лейб-врачи Гитлера — профессора Брандт и Морель. Кроме них обычно присутствовали связные лица отдельных ведомств и министерств: посланник (позже посол) Вальтер Хевель (министерство иностранных дел), генерал Карл Генрих Боденшатц (люфтваффе), генерал СС Карл Вольф (от СС), генерал Вальтер Буле (организационное управление ОКХ), адмирал Теодор Кранке (ВМФ), полковник генерального штаба (позже генерал-майор) Вальтер Шерф (военно-исторический отдел) и д-р Вернер Кёппен (министерство по делам оккупированных восточных областей). В качестве помощника генерала Йодля по ВВС присутствовал полковник авиации. Экхардт Христиан, представитель официального информационного агентства «Дойчес нахрихтенбюро» — баннфюрер «Гитлер-югенд» Гейнц Лоренц, адъютант Кейтеля майор Габриэль и офицер службы связи капитан Клеккель (позже майор Зандер)».

*** Так называлась ставка фюрера (от нем: die Wolfsschanze), располагавшаяся в Восточной Пруссии в районе Растенбурга. *Примеч. сост.*

Но сами по себе наши коммунисты симпатичнее мне, чем какой-нибудь Штаренберг*. Это были грубые натуры, и поживи они в России подольше, вернулись бы назад совершенно исцеленными. <...>

То, чем была для Англии Индия, для нас будет Восток. Только бы мне удалось внушить немецкому народу, что означает это для его будущего! Колонии — сомнительное владение. А эта земля нам обеспечена. Европа — понятие, обусловленное не географическими, а кровными признаками. <...>

Если какая-либо страна и имеет право на эвакуацию населения других [наций], то это — мы, ибо мы неоднократно эвакуировали наших людей: из одной только Восточной Пруссии переселили 800 тыс. человек. Сколь сентиментальны мы, немцы, видно из того, что нам кажется крайней жестокостью изгнать нашу страну от 600 тыс. евреев**, между тем как эвакуацию наших людей мы безоговорочно восприняли как нечто такое, чего не избежать.

Мы не должны больше отпускать германцев в Америку. Норвежцев, шведов, датчан, нидерландцев мы должны направить в восточные области. Мы стоим перед крупной задачей будущего: проводить планомерную расовую политику. Мы должны это делать уже по одной причине, что надобно положить конец разврату, все более распространяющемуся у нас. Швейцарцев же мы можем использовать только в качестве хозяев гостиниц и ресторанов.

Мы не хотим осваивать болота. Мы возьмем самую лучшую землю и самую лучшую почву. В болотистой местности мы сможем устроить огромный полигон площадью от 350 до 400 квадратных километров, с водными преградами и всеми теми полосами препятствий, которые только способна предоставить войскам природа. <...>

Мировая история знала до сих пор лишь три битвы на уничтожение: Канны, Седан и Танненберг. Мы можем гордиться тем, что две из них даны германским войском. К ним добавились теперь наши сражения в Польше, на Западе и сегодня — на Востоке. Все остальные — битвы на преследование противника. О битве в Тевтобургском лесу*** мы имели ложные представления; виной тому — романтизм наших профессоров истории: в лесу и тогда вести бои было столь же несподручно, как и сегодня.

Что касается русского похода, то тут противостояли друг другу два взгляда. Один: Сталин изберет тактику отступления

* Князь Рюдигер фон Штаренберг — участник мюнхенского путча Гитлера в 1923 г. Позднее стал противником Гитлера, с 1930 г. руководил австрийским хаймвером, вице-канцлер Австрии в 1934—1936 гг. *Примеч. сост.*

** В 1933 г. в Германии насчитывалось 502 799 евреев, в Австрии — 191 481 и в Судетах — 27 374. Из числа этих 721 654 евреев почти 400 тыс. вынуждены были до 1939 г. «добровольно эмигрировать» под давлением Гитлера. В Великогерманском рейхе на 15 мая 1939 г. оставалось всего 330 892 еврея.

*** В 9 г. н. э. предводитель германского племени херусков Арминий разбил там войско римских легионеров. *Примеч. сост.*

1812 г.; другой: нам придется рассчитывать на ожесточенное сопротивление.

Придерживаясь последнего взгляда, я поначалу был в том одинок. Я говорил себе, что сдача русскими таких промышленных центров, как Петербург и Харьков, равноценна их собственной сдаче, что отступление при этих условиях будет для них подобно самоуничтожению и потому русские в любом случае попытаются удержать эти позиции. Так оно и произошло, нам пришлось ввести все наши силы, и ход развития подтвердил мою правоту. Америка, даже если бы она целых четыре года работала не покладая рук, как сумасшедшая, не смогла бы возместить того, что до сих пор потеряла русская армия. Если Америка оказывает помощь Англии, то делает она это в надежде приблизить тот момент, когда можно будет ее унаследовать.

Сам я не доживу до того дня, но радуюсь, что однажды немецкий народ увидит, как Англия объединится с Германией, чтобы сообща выступить против Америки. И тогда мы найдем настоящего союзника; они [англичане] беспримерно наглы, но я все же восхищаюсь ими, у них есть многое, чему следует поучиться. <...>

Что касается плановости хозяйства, тут мы стоим еще в самом начале, и я представляю себе: это будет что-то прекрасное — создать общегерманский и европейский экономический порядок.

Если взять в целом, что таится в европейском пространстве (Германия, Англия, северные страны, Франция, Италия), то какие же силы творческого созидания скрыты в них. Надо сказать себе: что по сравнению с этим американские возможности? <...>

Гигантское воздействие окажет то, что над всем новым рейхом будет властвовать одна вооруженная сила — СС*, что будет только одна администрация!

2.8. 1941 г. вечером
[«Волчьё логово»]

Когда, наподобие России, запирают свою страну на замок, то делают это для того, чтобы не было масштаба для сравнения.

Сталин должен был ввести большевизм в Прибалтийских странах, ибо жизнь там явилась бы для его оккупационной армии невыносимым сравнением. А этого он как раз и не хотел. <...>

8 и 9.9. 1941 г. ночью и 10.9. 1941 г.
днем, вечером и ночью
[«Волчьё логово»]

<...> При заселении нами русского пространства «имперский крестьянин» будет жить в исключительно красивых поселениях. Германские органы и учреждения должны располагаться в чудес-

* Гитлер сам был членом возникших из «Ударного отряда Гитлера» охраняемых частей НСДАП — СС (от нем. Schutzstaffeln), причем с 1 апреля 1927 г. с членским билетом № 187. К тому же с 2 сентября 1930 г. он являлся «Высшим Фюрером» штурмовых отрядов НСДАП — СА (от нем. Sturmabteilungen).

ных зданиях, а губернаторы — во дворцах. Вокруг административных учреждений следует строить все, что необходимо для поддержания жизни. А вокруг города на расстоянии 30—40 километров заложить кольцо прекрасных деревень, связанных между собой наилучшими дорогами. Из всего этого возникнет другой мир, в котором мы дадим жить русским так, как они того пожелают. Но только при одном условии: над ними господствуем мы!

18.1. 1942 г. ночью
[«Волчье логово»]

〈...〉 Что за счастье для правительства, когда люди не думают! Думать надо только при отдаче или выполнении приказа. Будь оно по-другому, человеческое общество вообще не смогло бы существовать.

Самое трудное в нашем положении отнюдь не зима сама по себе. А вот иметь в достаточном количестве людей, но не мочь транспортировать их [на фронт]; иметь боеприпасы и не мочь их доставить; иметь оружие и не мочь отправить его туда, где оно необходимо. 〈...〉 Горе железной дороге, если в следующий раз она не будет работать по-новому!

Все-таки лучше, если вместо Геббельса 30 января (в годовщину прихода нацистов к власти. — *Сост.*) по радио выступлю я сам. Дело в том, чтобы соблюсти во взбадривании золотую середину между трезвым подходом и патетической фразой. Геббельс в одном своем обращении предупредил фронт о необходимости оставаться твердыми и спокойными. Я бы так не считал. Солдат в такой ситуации должен быть не спокойным, а решительным. Это понимает только тот, кто сам прошел через все это. 〈...〉

20.1. 1942 г. днем
[«Волчье логово»]

〈...〉 Достаточно одного лишь взгляда на список наших генералов, чтобы понять: эти люди — слишком стары. Теперь уже больше нельзя (пример — Англия), принимая решение, где использовать человека, руководствоваться только выслугой лет.

24.1. 1942 г. вечером
[«Волчье логово»]

〈...〉 Свое вооружение надо начинать еще в мирное время на тех же основах, что и в войне. 〈...〉

27.1. 1942 г. днем
[«Волчье логово»]

〈...〉 Настоящее мировое господство может быть основано только на собственной крови. Римское государство принялось за вольноотпущенников, только полностью исчерпав свою кровь. Лишь после третьей Пунической войны появились легионы вольноотпущенников. Не приди христианство, кто знает, как сложилась бы